

05,4

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„Театръ
и
Искусство“.

Съ доставк. и по, 75. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—40 к. съ
стр. нет.

Адресъ редакціи и главной конторы
Моховая 45.
Отдѣленія: въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печ-
ковской—въ Одессѣ—при книжномъ мага-
зинѣ С. В. Можаровскаго въ пассажѣ.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

и

Искусство

1904 г. VIII годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 Іюля.

СОДЕРЖАНІЕ: Похоронная касса.—За-
мѣтки.—Памяти А. П. Чехова. *Н. Арбенна*.—
Актеры и жизнь. *П. С. Светлова*—Хроника театра
и искусства.—Письма въ редакцію.—Минувшіе
дни.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки: А. П. Чеховъ читаетъ „Чайку“
артистамъ московскаго Художественнаго театра;

№ 29.

домъ, въ которомъ родился А. П. Чеховъ въ Та-
ганрогѣ; Чеховъ—студентъ; Чеховъ по окончаніи
гимназіи; „Обвиняемая“, новая пьеса г. Протопо-
пова (2 рис.); „Робертъ Дьяволь“, Э. Ванъ-Дейкъ
(шаржъ).

Портреты: Т. М. Максимовой и Е. В. Ча-
русской.

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.

Груба жизнь!

„Чайка“. А. П. Чеховъ.

Умеръ Чеховъ...

Лаконическая вѣсть, долетѣвшая къ намъ изда- лека, но какой близкой и глубокой скорбью отозвалась она въ сердцахъ почитателей любимаго писателя! Не стало чего-то до-нельзя дорогого, и мысль, хотя давно подготовленная къ этому, не хо- четъ мириться съ печальной дѣйствительностью.

Не помню кто—если мнѣ не измѣняетъ память, кажется, Вл. И. Немировичъ-Данченко,—говоря о произведеніяхъ Чехова, назвалъ его поэтомъ. Въ его творествѣ—такъ называемыхъ «чеховскихъ настроеніяхъ», избыткѣ лиризма, красотѣ и му- зыкальности формъ,—сказывался поэтъ. Его герои— люди хилые, больные, извѣрившіеся въ возможность счастья и радости, надломленные, выбитые изъ колеи, подчасъ жалкіе и убогіе. И нигдѣ у Чехова вы не слы- шите слова укоризны, нигдѣ не видите тѣни озлоб- ленія.

Чеховъ въ душѣ cadaго изъ своихъ героевъ оставляетъ какой-то осадокъ хорошаго—и это тро- гаетъ и примиряетъ насъ съ ними. Какъ Гамлету, жизнь наша рисуется Чехову своего рода «за- глохшимъ» садомъ—и какъ онъ, скорбитъ о моло- дыхъ побѣгахъ, которымъ суждено зачахнуть въ этомъ саду, не пробившись къ ясной лазури неба, воздуху и солнцу... «Груба наша жизнь»—подчерки- ваетъ онъ не разъ—и побѣду этой грубости ви- дить въ одномъ—въ работѣ: «будемъ трудиться для другихъ и теперь и въ старости, не зная по- коя...»

Чехова въ началѣ его литературной дѣятельности упорно упрекали въ излишней холодности, безу- частности творчества, мѣшавшей разглядѣть въ его произведеніяхъ личные взгляды, чувства и симпатіи писателя.

У молодого писателя искали вдохновенныхъ страницъ, сильнаго слова, требовали отъ него ка- питальнаго труда вмѣсто всѣхъ этихъ мелкихъ рассказиковъ съ изображеніемъ отрывочныхъ клоч- ковъ нашей сѣренькой дѣйствительности.

Живо вспоминаю одинъ споръ на эту тему.

Было это у артиста московскихъ театровъ А. П. Ленскаго въ присутствіи самого Антона Павловича. Рѣчь касалась какого-то рассказа изъ тома «Пе- стрыхъ рассказовъ» тогда еще не Чехова, но Че- хонте. Говорилось о старомъ, но вѣчно-юномъ пред- метѣ: цѣли искусства въ сравненіи съ фотографіей, упоминалось о моментальныхъ снимкахъ и т. п.

Чеховъ молчалъ,—онъ, вообще, былъ не особенно разговорчивъ въ обществѣ, казалось, онъ ко всему относился вполне индифферентно. Это видимое равнодушіе сохранилось у него и до послѣдняго вре- мени: «у А. П. вѣдь трудно разобрать—ничего не говоритъ», рассказывалъ мнѣ К. С. Станиславскій о репетиціяхъ «Вишневаго сада» въ присутствіи автора. И тутъ врѣзалось мнѣ въ память движеніе Чехова къ окну, мимо котораго въ разгаръ спора шагомъ плелся московскій ванька... «Вотъ видите,— въ точности словъ Чехова не помню, но смыслъ былъ таковъ,—плетется извозчикъ; задача писателя вѣрно изобразить этого извозчика». Въ то время ка- залось, что въ этомъ было что-то узкое, даже неискреннее и надуманное у такого молодого писа- теля. Лишь потомъ оцѣнили «клочки», нарисован- ные Чеховымъ, лишь потомъ почувствовали ихъ красоту и внутренній смыслъ. Объединенные въ

Вл. И. Немир.-Давченко. Г. Лужскій. О. Л. Книпперъ. К. С. Станиславскій. А. П. Чеховъ. Г-жа Андреева. Г-жа Роксанова. Г. Мейерхольдъ.
Г. Вишнева. Г. Артемъ.

А. П. Чеховъ читаетъ „Чайку“ артистамъ московскаго Художественнаго театра.

одну картину, они стали вѣрнымъ отраженіемъ нашей современной жизни, гдѣ все носитъ характеръ подобныхъ мелкихъ клочковъ мысли и чувства. Да, это нашъ заглохшій садъ, съ копошащимся людскимъ муравейникомъ.

Чеховъ всегда тяготѣлъ къ театру и къ русскому актеру. Много лѣтъ тому назадъ, проводя лѣто въ Одессѣ, онъ пропускалъ рѣдкій спектакль, бывалъ за кулисами, любилъ бывать въ актерской средѣ. Извѣстна его дружба съ В. Н. Давыдовымъ, А. П. Ленскимъ, покойнымъ П. М. Свободинимъ, не говоря уже о труппѣ московскаго Художественнаго театра, съ которой Чеховъ сроднился и гдѣ чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ.

И въ концѣ концовъ, онъ создалъ свой «чеховскій» театръ.

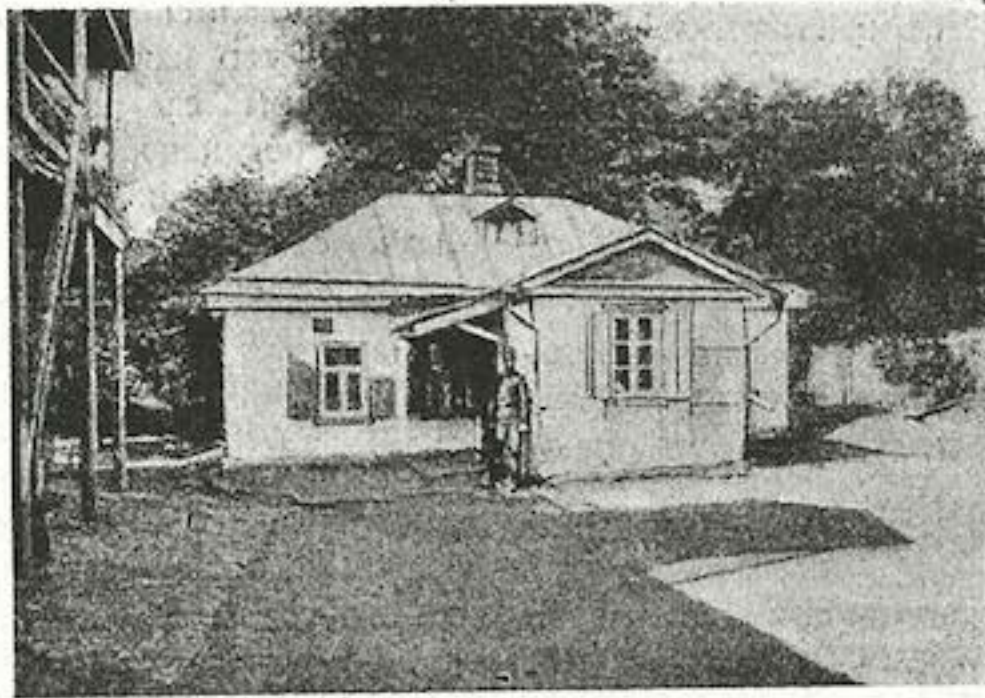
Много говорилось и писалось объ этомъ театрѣ. Это чуть ли не самый жгучій вопросъ современной жизни.

У чеховскаго театра и до сихъ поръ имѣются и ярые поклонники, и ярые противники.

Съ большими усиліями пробивалъ онъ себѣ дорогу. «Драматизированная повѣсть», какъ обычно называютъ «театръ» Чехова, по формѣ письма была слишкомъ нова и чужда публикѣ. Имѣвшій большой успѣхъ въ Петербургѣ, «Ивановъ», не имѣлъ и доли того же успѣха въ Москвѣ. О провинціи и говорить нечего: лишь въ послѣдніе годы упрочился тамъ «Дядя Ваня». Въ недавнемъ еще прошломъ, и, при-

томъ, въ довольно крупныхъ театральныхъ центрахъ, при постановкѣ чеховскихъ пьесъ высказывалось огульное мнѣніе: все это можетъ быть и хорошо, но несценично, не для театра. И странная вещь: усмотрѣли черты сценичности раньше всего именно въ той пьесѣ, которая многіе годы, увы, лежала безъ движенія въ столѣ у автора, — я говорю о «Дядѣ Ванѣ».

Называлась пьеса первоначально, какъ извѣстно, «Лѣшій». Чеховъ принесъ рукопись издателю журнала «Артистъ», покойному Ѡ. А. Куманину. Редакцію у Куманина составлялъ особый комитетъ, въ который и поступали всѣ рукописи для просмотра. Комитетъ остался пьесой недоволенъ, нашелъ ее несценичной, потребовалъ передѣлокъ и т. п. Рукопись была возвращена. Позднѣе, когда «Лѣшій» былъ поставленъ въ Шеллапутинскомъ театрѣ (антреприза Абрамовой), Куманинъ напечаталъ пьесу, надо думать, не настаивая уже ни на какихъ передѣлкахъ. Кстати сказать, «Лѣшій» не имѣлъ и средняго успѣ-

Домъ, въ которомъ родился А. П. Чеховъ въ Таганрогѣ.

ха. Спустя нѣсколько лѣтъ, та же пьеса въ измѣненной редакціи и подъ названіемъ «Дядя Ваня» была представлена Чеховымъ въ московское отдѣленіе театально-литературнаго Комитета. И тутъ пьесу снова постигла неудача. Комитетъ требовалъ новыхъ передѣлокъ и сокращеній, но Чеховъ наотрѣзъ отказался и попросилъ вернуть рукопись.

Теперь это наиболее ходовая изъ его пьесъ. Вкусы и времена переменчивы. Надо думать, что въ недалекомъ будущемъ получить должную оцѣнку и широкое распространеніе на сценѣ и «Ивановъ», въ которомъ такъ цѣльно вылился весь Чеховъ и который такъ ярко отразилъ и сосредоточилъ въ себѣ психологію цѣлаго поколѣнія.

Заговоривъ о наслѣдіи, оставленномъ Чеховымъ русскому театру, уместно вспомнить объ его отношеніи къ русскому актеру. Прочтите его «Лебединую пѣсню». Этотъ заснувшій въ запертомъ театрѣ, послѣ своего бенефиса, пьяный актеръ, комикъ Свѣтловидовъ и старый суфлеръ Никитушка, которому и ночевать негдѣ, кромѣ какъ въ уборной холоднаго театра,—вдумайтесь въ ихъ слова, въ перипетіи ихъ жизни—какая это глубокая драма, повседневная драма русскаго актера! Служеніе искусству! «Понялъ я тогда,—говоритъ Свѣтловидовъ,—что никакого святого искусства нѣтъ, что все бредъ и обманъ, что я—рабъ, игрушка чужой праздности, шутъ, фигляръ! Яма эта (т. е. театръ) съѣла у меня 45 лѣтъ жизни, и какой жизни, Никитушка!».

Помню одну случайную бесѣду съ Чеховымъ на актерскую тему. Это было вскорѣ послѣ нашумѣвшей постановки «Татьяны Рѣпиной» въ Москвѣ. Воспользовавшись пріѣздомъ А. С. Суворина, М. Н. Ермолова пригласила къ себѣ отобѣдать кое-кого изъ писателей и артистовъ. Былъ и А. П. Чеховъ. Говорили, конечно, о театрѣ, вспоминали прежнихъ актеровъ, восхищались прекраснымъ прошлымъ. И тутъ, обычно не словоохотливый Чеховъ, коснувшись современнаго положенія театра, сталъ указывать на тѣ невѣроятныя условія, въ которыхъ приходится работать нашему актеру. Приблизительно это были мысли, которыя Чеховъ потомъ вложилъ въ уста своего Свѣтловидова, а затѣмъ и въ уста подстрѣленной «Чайки».

Недалекое будущее, надо думать, опредѣлитъ истинное значеніе чеховскаго театра (какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ), разберется въ нѣкоторыхъ спорныхъ для насъ положеніяхъ его «драматизированной повѣсти». Но одно несомнѣнно уже и теперь: въ поступательномъ движеніи русскаго театра и русскаго актера къ правдѣ изображенія и творчества театръ Чехова сыгралъ огромную роль.

Сыгралъ... Да, о Чеховѣ приходится говорить уже въ прошломъ.

Говорять:

Схоронили —
Позабыли, —

но Чехова, можно съ увѣренностью сказать, не забудутъ долго: памятникъ, воздвигнутый писателемъ, слишкомъ значителенъ, и къ нему не скоро «заростетъ народная тропа»...

Ник. Арбенинъ.

Р. С. Зная отзывчивость артистической семьи, думаю, что русскій театральнй міръ охотно отзовется на мысль почтить память А. П. Чехова добрымъ дѣломъ.

Въ актерскомъ быту нигдѣ „грубость“ жизни, благодаря исключительнымъ условіямъ дѣятельности, не проявляется съ такой силой, какъ въ отношеніи безпріютныхъ актерскихъ дѣтей и сиротъ. Открывая сборъ на учрежденіе капитала стипендіи имени Антона Павловича Чехова въ дѣтскомъ пріютѣ Императорскаго Театральнаго Общества, артистическая семья должнымъ образомъ почтила бы память незабвеннаго писателя. Вполнѣ увѣренъ, что и журналъ „Театръ и Искусство“, съ своей стороны, радушно откликнется на эту мысль.

Н. А.

Пермь.
4 Іюля 1904.

